

УДК 94(477.75)"1918–1920"

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ КРЫМСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ
ОТЦА И СЫНА ВЕРНАДСКИХ ВРЕМЁН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Филимонов С.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

В 1920 году, в разгар братоубийственной Гражданской войны, интеллигенция Крыма, оставаясь верной культурным традициям, решила отметить 100-летнюю годовщину со времени пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Крыму.

Непосредственным инициатором празднования юбилея был замечательный крымский ученый-краевед, многолетний бессменный председатель Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и, по емкому определению Георгия Владимировича Вернадского, «ее душа» [1] Арсений Иванович Маркевич.

19 мая 1920 года на заседании ТУАК (на котором присутствовали и такие знаменитые в будущем ученые, а в то время – молодые профессора историко-филологического факультета Таврического университета, как Б.Д. Греков, Г.В. Вернадский, Н.К. Гудзий), А.И. Маркевич предложил отметить предстоящее в сентябре 100-летие со времени пребывания А.С. Пушкина в Тавриде устройством особого публичного заседания Комиссии, с соответствующими докладами и речами, и изданием сборника статей. Как отмечено в протоколе заседания, собрание «вполне согласилось с мыслью А.И. Маркевича и постановило употребить старания к составлению и изданию Пушкинского сборника».[2]

Из отчета ТУАК за 1920 год явствует, что сборник издать не удалось.[3]

А заседание ТУАК, посвященное памяти А.С.Пушкина, состоялось 18 (31) октября 1920 года. На нем были заслушаны доклады А.И. Маркевича «А.С. Пушкин и Таврида», Г.В. Вернадского «А.С. Пушкин как историк», Л.В. Жирицкого «А.С. Пушкин и Овидий», Н.К. Гудзия «А.С. Пушкин как литературный критик».[4]

Увы, в протоколе изложение докладов отсутствует. Вероятно, предполагалось, что они будут напечатаны в намеченном к изданию сборнике. А сборник, как мы знаем, издан не был, т.к. спустя несколько дней после означенного заседания Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова...

Удалось установить, что доклады А.И. Маркевича и Л.В. Жирицкого спустя несколько лет все же были опубликованы.[5] Следы доклада Н.К. Гудзия можно отыскать в его многочисленных опубликованных пушкиноведческих трудах.[6] Но вот о судьбе доклада Г.В. Вернадского до недавнего времени ничего не было известно.

Дело в том, что осенью 1920 года выдающийся русский историк Г.В. Вернадский состоял в должности не только профессора Таврического университета, но и начальника отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля, а потому имел основания полагать, что с приходом красных он будет немедленно расстрелян. (Напомним читателям, что в ноябре 1920 года чекистами были расстреляны министры антибольшевистских Крымских краевых правительств А.П. Барт и А.А. Стевен [7]).

30 октября (12 ноября) 1920 года (т.е. 12 дней спустя после прочтения своего доклада), взойдя в Севастополе на палубу парохода «Рион», Г.В. Вернадский покинул Родину. Как оказалось, навсегда...

Константинополь, Афины, Прага, Йель (США)... Г.В. Вернадский становится одним из основателей современной американской школы русской историографии. Он – автор 22 книг (в том числе многотомной «Истории России») и около 300 статей. Его читают и почитают во всем цивилизованном мире. Но не в СССР. Здесь он – «белоземigrant», «видный представитель классово чуждой буржуазной историографии». Статьи о нем отсутствуют не только в таких официальных изданиях, как «Большая Советская Энциклопедия», «Советская Истори-

ческая Энциклопедия», «Украинская Советская Энциклопедия» и т.д., но и в вышедших уже в середине 1990-х годов очерках истории Симферопольского университета и биографическом справочнике о его преподавателях [8], где профессор Г.В. Вернадский не значится даже в списках... По существу, впервые о Г.В. Вернадском крымская общественность узнала лишь в 1994 году, когда в № 1 журнала «Крымский Архив» были перепечатаны из американского «Нового журнала» воспоминания Г.В. Вернадского о Крыме.[9]

Дальнейшие разыскания в архивах, музеях и библиотеках позволили дополнить бытующие с тех пор представления о крымском периоде творческой биографии Г.В. Вернадского.

Георгий Владимирович Вернадский (1887 – 1973) родился 20 августа 1887 года в Петербурге в семье ученого-энциклопедиста Владимира Ивановича Вернадского. В 1910 году Г.В. Вернадский с отличием окончил историко-филологический факультет Московского университета. Свою магистерскую диссертацию «Русское масонство в царствование Екатерины II», выполненную под руководством профессора С.Ф. Платонова, Г.В. Вернадский успел защитить в Петербургском университете 22 октября 1917 года, за 3 дня до большевистского переворота и, таким образом, формально может считаться последним видным представителем дореволюционной русской исторической науки.

В эпоху революции и Гражданской войны Г.В.Вернадский покидает столицу. Он преподает русскую историю нового времени поначалу в Пермском университете, а с осени 1918 года – в Таврическом.[10] В Симферополе он становится, помимо того, членом-учредителем и председателем Общества философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, товарищем (заместителем) председателя Симферопольского Религиозно-философского общества, членом ТУАК и заведующим ее архивом, научным сотрудником учрежденного 22 мая 1919 года Таврического Центрального архива, возглавил который коллега и близкий друг Г.В. Вернадского крупнейший отечественный историк Борис Дмитриевич Греков.

Документы свидетельствуют, что членом ТУАК Г.В. Вернадский был избран 15 ноября 1918 года, одновременно с профессорами Таврического университета Н.К. Гудзием и А.П. Кадлубовским. 25 марта 1919 года, когда закрытой баллотировкой переизбирались все должностные лица ТУАК, председателем был избран А.И. Маркевич, товарищем председателя – Б.Д. Греков, а заведующим архивом – Г.В. Вернадский.

Непосредственный вклад Г.В. Вернадского в развитие архивного дела в Крыму состоял в следующем. Им были куплены на личные средства и тем спасены для науки продававшиеся на базаре в Симферополе по 2 рубля за фунт в качестве оберточной бумаги документы симферопольского полицейского архива. Им были разобраны, систематизированы и научно описаны вывезенные из имения Тавель материалы большого и чрезвычайно ценного архива В.С. Попова, правителя дел канцелярии князя Г.А. Потемкина.[11] Летом 1920 года Г.В. Вернадский должен был принять участие в разборе архивов удельных имений (т.е. имений, принадлежавших членам царской фамилии) на Южном берегу Крыма, но, скорее всего, обстоятельства Гражданской войны помешали ему выполнить это поручение ТУАК.

На заседаниях ТУАК Г.В. Вернадский выступал с научными докладами: «К истории колонизации Азовского побережья» (25 марта 1919 г.), «А.С.Лаппо-Данилевский как историк России XVIII века» (11 мая 1919 г.), «Письма М.А. Гарновского кн. Г.А. Потемкину-Таврическому» (18 июня 1919 г.), «Стихи кн. Г.А. Потемкина на основании Екатеринослава» (18 июня 1919 г.), «Записки о необходимости присоединения Крыма к России» (3 июля 1919 г.), «Об историко-философских воззрениях С.Ф. Платонова» (1 ноября 1919 г.), «А.С. Пушкин как историк» (18 октября 1920 г.).[12] На заседании ТУАК 18 июня 1919 года Г.В. Вернадский должен был выступить еще и с докладом «Тавельский архив Поповых и значение его для истории», но, поскольку он был прочитан несколькими днями раньше на заседании, состоявшемся в Комиссариате Народного Просвещения по случаю открытия Центрального архива, было решено вторично его не заслушивать.

Шесть из восьми перечисленных докладов тогда же были напечатаны в «Известиях» ТУАК. Неопубликованными остались лишь доклады об историке академике С.Ф. Платонове и А.С. Пушкине.

Казалось, что подробно об их содержании мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Ведь в протоколах заседаний ТУАК эти доклады не были изложены. В крымских архивах рукописей этих докладов обнаружить не удалось. О печатных трудах профессора американского университета Г.В. Вернадского в СССР мало кому полагалось знать...

Но вот в 1998 году в Москве вышла книга Г.В. Вернадского «Русская историография». Она представляет собой первое в России переиздание вышедших в США в 1970-х годах очерков истории русской исторической науки. Есть в этой книге и очерки о С.Ф. Платонове и А.С. Пушкине, основные положения которых, несомненно, были изложены Г.В. Вернадским на заседаниях ТУАК в Симферополе еще в 1919–1920 годах.

В том же 1998 году, к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, в московском журнале «Преподавание истории в школе» была напечатана статья Г.В. Вернадского «Пушкин как историк».[13] Как явствует из редакционного примечания, статья эта – перепечатка из изданного в Праге еще в 1924 году сборника. Думается, что статья в пражском сборнике – ни что иное, как доклад, прочитанный Г.В. Вернадским на заседании ТУАК 18 (31) октября 1920 года. Его последний научный доклад на Родине...

А недавно мне довелось сделать и совершенно неожиданное открытие. Работая с издававшейся в Симферополе в 1917 – 1920 годах антибольшевистской газетой «Таврический голос», я наткнулся на опубликованные на ее страницах в 1919 – 1920 годах следующие девять статей Г.В. Вернадского: «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского», «Памяти С.Ф. Платонова» (статья эта была вызвана поступившей в Крым из Петрограда информацией о кончине академика С.Ф. Платонова, оказавшейся ложной; Платонов умер в ссылке в Самаре в 1933 году), «Столетие военных поселений», «Дар Екатерины (К восстановлению памятника императрице Екатерине)», «Советский социализм и крепостное право», «Национальное творчество русского народа», «Английская революция в XVII веке», «Против солнца», «Французская книга о русской революции» (последняя статья подписана псевдонимом, который, впрочем, легко расшифровать: Г.В-ий).

Примечательно, что эти статьи сына внимательно читал отец, академик В.И. Вернадский. 10 (23) января 1920 года он записал в дневнике: «Прочел статьи Георгия [Вернадского] в симфер[опольских] газетах. Ясно, что он как историк считает вероятным, что окончательное успокоение и воссоздание мощной России – неизбежное и неотвратимое – может произойти через годы и десятилетия. То же чувство и у П.И.[Новгородцева]. Может быть, это правильный путь мышления».[14]

Увы, все прошедшие после Гражданской войны годы эти статьи Г.В. Вернадского оставались малоизвестными, а к настоящему времени стали и вовсе неизвестными. Ведь даже в изданном в 1975 году в Нью-Йорке списке печатных трудов Г.В. Вернадского (список этот, подготовленный к печати Н.Е. Андреевым (Кембридж), успел за месяц до своей кончины просмотреть сам Георгий Владимирович и признал его исчерпывающим) вышеперечисленные статьи не значатся.[15] А они, будучи уникальными памятниками русской исторической мысли периода «русской смуты», представляют в наши дни большой научный и широкий общественный интерес.

К сожалению, в обследованных мною хранилищах документальных памятников сохранились не полные комплекты «Таврического голоса». Думается, что на страницах отсутствующих номеров газеты были опубликованы и некоторые другие статьи Г.В. Вернадского. В пользу такого предположения свидетельствуют его «Исторические письма», имеющие нумерацию: первое из выявленных мною «Исторических писем» Г.В. Вернадского «Столетие военных поселений» имеет порядковый номер III. Так что работу по выявлению литературного наследия Г.В. Вернадского крымского периода его творческой биографии следует продолжить.

В крымских антибольшевистских газетах времен Гражданской войны мне удалось выявить и четыре публикации академика В.И. Вернадского 1920 года, которые не значатся в изданном списке его печатных трудов [16] и оставались, таким образом, малоизвестными. Таковы статьи В.И. Вернадского «Памяти проф. Кл. Арк. Тимирязева» и «Памяти проф. Г.Ф. Морозова», а также два интервью – «Беседа с академиком Вернадским» и «Русская наука и русские ученые в Крыму (Беседа с ректором Таврического университета В.И.

Вернадским)», напечатанные соответственно 1 (14) и 14 (27) октября 1920 года. Напомню, что академик В.И. Вернадский был избран ректором Таврического университета 10 октября 1920 года по новому стилю. Таким образом, перед нами – его первые интервью в новой должности. (В скобках замечу, что интервью эти – не только первые, но и, вероятно, последние: полмесяца спустя после напечатания второго интервью, 13 ноября 1920 года, в Симферополь вступили части Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе; большевикам поначалу было не до интервью, а уже в январе 1921 года В.И. Вернадского на посту ректора университета сменил профессор А.А. Байков, которого лично еще с дореволюционной поры знал М.В. Фрунзе).

Выявленные публикации отца и сына Вернадских представляют большой интерес и для истории Таврического университета, и для истории интеллигенции, науки, культуры и просвещения в Крыму в годы Гражданской войны. Ниже они републикуются в качестве Приложения.

...Имя Владимира Ивановича Вернадского, ученого–энциклопедиста, академика, в 1919 – 1921 годах – первого президента Украинской академии наук, в октябре 1920 – январе 1921 года – ректора Таврического университета, известно в Крыму давно и широко.[17] В августе 1999 года Указом Президента Украины Симферопольский государственный университет имени М.В. Фрунзе был преобразован в Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. А вот имя выдающегося русского историка Георгия Владимировича Вернадского известно в Крыму пока еще недостаточно широко. Между тем Крым был последним местом его пребывания на Родине. Пришла пора подумать о форме увековечения здесь памяти Г.В. Вернадского. Быть может, с помощью топонима. Или назвать именем Г.В. Вернадского одну из аудиторий исторического факультета Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, где он преподавал в 1918 – 1920 годах. Будет глубоко символично, если на крымской земле, где в 1920 году в результате Гражданской войны отец и сын Вернадские навсегда расстались, их имена воссоединятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вернадский Г. Русская историография.– М., 1998.– С. 133.
2. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь, 2004. – С. 122.
3. См.: Филимонов С.Б. Крым, 1917 – 1920 годы: Таврическая ученая архивная комиссия и памятники культуры// Крымский музей, № 1/ 94 год. – Симферополь, 1995. – С. 100.
4. См.: Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма... – Симферополь, 2004. – С. 125.
5. См. соответственно: Студії з Криму: Всеукраїнська АН: Зб. іст.-філол. відділу / Ред. А.Е. Кримський. – Київ, 1930. – С. 111 – 115; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Симферополь, 1927. – Т. 1 (58). – С. 90 – 99.
6. См.: Библиография трудов Н.К. Гудзия // Воспоминания о Николае Каллиновиче Гудзии. – М., 1968. – С. 150 – 180.
7. Подробно об этом см.: Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. – Изд. 2-е, доп. – Симферополь, 2003. – С. 7 – 12, 113 – 123.
8. См.: Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918 – 1993). – Симферополь, 1993; Биографический справочник о преподавателях Таврического университета – Крымского государственного педагогического института – Симферопольского государственного университета 1918 – 1993. – Симферополь, 1994. Отмеченный пробел был ликвидирован лишь в самое последнее время; см.: Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 1918 – 2000. – Київ, 2000. – С. 30.
9. «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни...»: Г.В. Вернадский и его воспоминания о Крыме / предисл., подгот. текста к републикации В.В. Лаврова, комментарии А.В. Мальгина // Крымский Архив. – Симферополь, 1994.– № 1.– С. 28 – 46.
10. Биографическую справку профессора Таврического университета Г.В.Вернадского, заверенную ректором университета Р.И. Гельвигом в 1920 году, выявленную мною в Государственном архиве Российской Федерации, см.: Крымский Архив. – Симферополь, 2000.– № 6. – С. 69 – 70.
11. Подробнее см.: Филимонов С.Б. Б.Д. Греков – заведующий Крымцентрархивом // Советские архивы. – 1978. – № 3. – С. 28 – 31.
12. См.: Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма... – Симферополь, 2004. – С. 49 – 50.

13. Преподавание истории в школе. – 1998. – № 8. – С. 3 – 10.
14. Вернадский В.И. Дневник, 1917 – 1921: январь 1920– март 1921. – Киев, 1997. – С. 24. Благодарю В.В. Лаврова, указавшего мне на эту дневниковую запись В.И. Вернадского.
15. См.: Список трудов Г.В. Вернадского by Nikolay Andreyev // Записки Русской академической группы в США. – New York, 1975. – Т. IX. – С. 168 – 181.
16. См.: Владимир Иванович Вернадский (Материалы к биобиблиографии ученых). Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1992.
17. См.: В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров, Н.А. Съедин, С.Б. Филимонов. – Киев, 2004.

Приложение

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В.И. ВЕРНАДСКОГО И Г.В. ВЕРНАДСКОГО НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКИХ ГАЗЕТ 1919–1920 ГОДОВ [1]

№ 1

Статья В.И. ВЕРНАДСКОГО «ПАМЯТИ ПРОФ. КЛ[ИМЕНТА] АРК[АДЬЕВИЧА]ТИМИРЯЗЕВА» [2]

22 апреля (5 мая) 1920 г.

Недавно в Москве скончался один из славнейших русских ученых, имя которого известно в широких кругах русского общества, профессор Московского университета Кл. Арк.Тимирязев. Он умер глубоким стариком, 77-лет от роду. К.А. Тимирязев был не только крупный ученый, но и яркая личность. Его выступления и его деятельность не раз вызывали среди современников ожесточенные нападки и много раз он сам бывал неправ. И сейчас его деятельность последних лет, его статьи и выступления в Советской России и прессе, поддерживающие некоторые из начинаний советской власти, вызывали ожесточение и ненависть со стороны их противников.

Но Тимирязев не человек определенной партии и никогда им не был; он один из крупных деятелей и создателей русской культуры и перед его могилой должны замолкнуть слова и чувства осуждений. Он руководился всегда высшим критерием, каким являлись для него интересы этой культуры и служение науке и научному образованию.

В тяжелые годы гражданской войны мы не можем и не должны рассматривать все явления жизни только со стороны злобы дня. Мы должны в разрозненной, разоренной, страдающей России искать не элементов вражды и разъединения, но элементов примирения и единства. Всем партиям и всем людям в пределах русской культуры должны быть дороги ее интересы; на этой почве может быть найдено общее и единое, которое должно связывать и обуздывать политических и социальных противников.

Всякий, кто глубоко подходил и жизнь свою отдавал служению русской культуры, знает, какая огромная мощь в ней скрыта. В ней мы должны видеть основной, спаивающий элемент нашего будущего, нашего возрождения. Ее работники должны стоять вне временного и преходящего, вне оценки их с точки зрения гражданских междоусобиц, ибо в их работе все наше спасение, все наше будущее.

И к Тимирязеву мы должны подходить только как к творцу нашей культуры.

К.А.Тимирязев, воспитанник Петроградского университета, всю свою жизнь провел в Москве, где работал в Московском университете и Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Наиболее плодотворная его научная творческая деятельность относится к XIX веку, до его конца. Он донес до нашего времени нетронутыми и неразрушенными научные верования и идеалы своей молодости; научная революция, переживаемая в XX веке, его не коснулась, и он боролся против ее проявлений, боролся равным оружием и большим талантом. Он оставался и в XX-м веке ярким позитивистом, паладином механистического объяснения природы XIX столетия. Он остался всецело правоверным дарвинистом, ка-

ким стал в начале своей научной работы. Выступая против новых течений, входивших в науку, он в своих статьях будил кругом мысль, так как обладал широкой эрудицией и огромными знаниями. Помимо своей воли, он тем самым участвовал в отходе от старого, его, мировоззрения.

Тимирязев весь был проникнут верой в науку и ее силу. Знание он всем своим существом хотел сделать доступным для всех и верил в то благо, которое оно должно дать народу, дать человечеству. Это было то живое, что теснейшим образом связывало его с людьми, которые отошли от его научного и философского мировоззрения, перешли к новым, для него чуждым, обобщениям.

Широко образованный ученый, ученик таких оригинальных людей как Гофмейстер [3] и Клод Бернар [4], оказавших огромное влияние на весь уклад его научного мышления, он посвятил всю главную свою работу одной области ботаники – изучению хлорофила, выяснению энергетических процессов зеленого растения. Это один из глубочайших вопросов биологии, и в этой области Тимирязев работал во всеоружии науки своего времени, достиг блестящими опытами крупных обобщений, получил точные числа, служащие основами нашего современного понимания этих явлений. Удивительна настойчивость и непрерывность его творчества в одной и той же определенной области, выбранной им в молодости. Правда, он углубился в нее, как немногие.

Но Тимирязев был не только ученый исследователь. Он постоянно стремился связать науку с жизнью. В тяжелое университетское безвременье 1884 – 1905 г. он был одним из передовых борцов за автономию университета и за высокое положение науки и научных работников в государстве и обществе. Свои идеалы свободы преподавания и высокой постановки научного творчества в высшей школе он проводил всю жизнь непрерывно на каждом шагу, при каждом случае. Их чувствовал всякий, кто с ним сталкивался.

Он был один из первых организаторов в начале 1870-х годов научных опытов над жизнью растений в связи с задачами практического земледелия и всю жизнь выдвигал значение научного изучения этих практических проблем. При этом он ставил вопрос широко и никогда не считал возможным понизить уровень научных требований для достижения практических целей. Он был в России один из первых, проводивших в жизнь оправданное временем сознание, что наука может помочь в разрешении практических задач только тогда, когда она сама явится решателем постановки своих проблем.

Но широким кругам русского общества Тимирязев давно стал известен как блестящий популяризатор. «Жизнь растений» является одной из классических книг нашей литературы и тысячи людей получили из нее и из других общедоступных сочинений Тимирязева не только поучение и знание, но стимул, определивший их жизненную деятельность.

И теперь, когда глубоким стариком он сошел в могилу в трагический момент русской жизни, все русские люди, и его политические противники, и его политические сторонники, должны одинаково помнить о нем, т.к. он всю свою жизнь неуклонно работал над тем, что должно быть дорого всем, – он жил, создавая элементы русской культуры.

**Академик В.И. Вернадский
Южные ведомости. – 1920. – 22 апреля (5 мая). – № 84**

№ 2

Статья В.И. Вернадского «Памяти проф. Г.Ф. Морозова»

29 апреля (12 мая) 1920 г.

Неожиданно для близких людей 26 апреля тихо скончался от тяжелой мучительной болезни проф. Георгий Федорович Морозов. Ему стало как будто лучше и за немного дней до смерти он горячо говорил со мной о своих планах дальнейшей работы, живо отзывался на события жизни. Он был в полном умственном расцвете, умер на 53 году. В 1916 году началось проявление болезни, от которой он скончался – но она не сломила ни его энергии, ни силы его ума, ни его исканий истины. До

конца, до самой смерти он остался самостоятельно мыслящим, полным творчества научным работником.

Русская культура теряет в лице Г.Ф. Морозова одного из своих крупнейших оригинальных натуралистов, пролагавших в жизни новые пути, учившего видеть в природе то, чего раньше не замечало человечество. Имя его не было известно русскому обществу так, как оно этого заслуживало, но в этом отношении Г.Ф. Морозов разделял судьбу многих.

Г.Ф. Морозов сперва был военным. Поступив относительно поздно (на 23 году) в Лесной институт, он последние 26 лет своей жизни всецело посвятил изучению леса. Он проник в природу русского леса так глубоко, как не проникали в него другие. Он смотрел на лес не глазами техника, но глазами глубокого научного исследователя. Он рассматривал лес как сообщество организмов, теснейшим образом связанное с окружающей средой, и пытался найти законы этого сообщества. В ряде работ своих и своих учеников он создал новое, во многом оригинальное и любопытное учение о типах леса. Благодаря широкому охвату явлений природы, его книги и статьи имеют глубокий интерес не только для специалистов.

Занимаясь научным изучением леса, Г.Ф. не забывал вопроса о его использовании. К нему он научил подходить новым путем. Техническую задачу он ставил научно так, как она должна ставиться натуралистами. Для него техника заключалась в использовании сил природы для блага человечества на основе глубоко научного изучения этих сил.

Г.Ф. стал профессором (Лесного института) довольно поздно – в XX столетии – на 34 году жизни, проработав несколько лет за границей, позже на опытных лесничествах и выработав прочные и оригинальные взгляды и на задачи высшего преподавания, и на его организацию.

Вступление в 1919 г. в среду молодого Таврического университета, казалось, открывало перед ним возможность применять к жизни свои дорогие идеи. Судьба решила иначе.

Я ближе столкнулся с Г. Фед. в 1915 г. Петроградская академия наук энергично подошла к изучению научных задач, связанных с войной и ее экономическими последствиями. Была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил России и в связи с работой этой комиссии мне пришлось ближе сойтись с Г.Ф. Он горячо откликнулся на призыв Академии.

Выезд на юг, временно для поправления здоровья, оторвал его, как и многих, на долгие годы от, казалось, близкого достижения больших задач. Временный отъезд для него оказался окончательным. Развал и междоусобная война оторвали его от дела жизни.

Оставшись на юге, он старался идти по прежнему пути. Из Крыма он приехал в Киев. На Украине при гетмане Скоропадском [5] Г.Ф. принял горячее участие в поддержке и организации научного изучения лесов Украины и успел даже напечатать часть связанных с этими вопросами своих работ.

Но вскоре эта деятельность и на Украине оказалась для него невозможной. И здесь победили силы разрушения. Г.Ф. вернулся в Крым.

Лишенный книг и научных пособий, тяжело больной, в тяжелых условиях нашей жизни, он стойко вел дальше свою работу. В последней беседе дня за три до смерти он с горячим интересом показывал мне почти законченный печатанием курс своих лекций и лишь жалел, что не мог его обработать так, как этого хотел, лишенный книг и своих записей. Этот курс – первый университетский курс науки о лесе, надо надеяться, будет скоро закончен, т.к. рукопись была сдана им для печати целиком.[6] Но сколько осталось у него незаконченного и что он мог бы дать еще впереди, если бы пришлось жить в более спокойное время, в более человеческих условиях? Здесь, в небольшом уголке России, мы встречаемся почти каждую неделю с известиями о гибели культурных работников. А что делается там, в остальной России? И кто придет им на смену?

Каждая такая смерть заставляет нас сознавать ответственность, лежащую на еще оставшихся. Надо смыкать ряды, еще интенсивнее продолжать культурную работу, ибо только по этому пути, по которому всю жизнь шел Г.Ф. Морозов, для нас спасение от наступающего одичания и варварства.

Академик В. Вернадский
Таврический голос. – 1920. – 29 апреля (12 мая). № 214 (364)

№ 3

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ТАВРИЧЕСКИЙ ГОЛОС»
С АКАДЕМИКОМ В.И. ВЕРНАДСКИМ

1 (14) октября 1920 г.

Беседа с академиком В.И. Вернадским [7]

Вчера наш сотрудник был принят новым ректором Таврического университета академиком В.И. Вернадским, в беседе с которым был затронут ряд вопросов о жизни и дальнейшем развитии университета.

Единственно свободный университет

– Я считаю Таврический университет, – сказал В.И., – единственно свободным университетом на всей территории России, так как в нем полностью осуществлен принцип свободы и автономии, к которому всегда стремились университеты. Та политика, которую проводит по отношению к университетам советская власть, является лишением их автономии и гибелью для них.

Симферополь или Севастополь

Как известно, это старый спор, непрекращающийся почти с первого дня возникновения молодого университета. Покойный Р.И. Гельвиг [8] был страстным приверженцем Севастополя.

В.И. считает, что университет может и должен остаться в Симферополе, где он имеет уже свои корни.

Упрочение и углубление этих корней зависит от самых общественных кругов Симферополя и, в первую очередь, от симферопольского городского самоуправления. Оно должно представить университету достаточный участок земли (не менее 20 десятин), где университет мог бы расположить все свои учреждения. Самоуправления тех городов, где в последние годы создавались университеты, широко шли им в этом отношении навстречу. Так например, в Каменец-Подольске университету был отведен участок в 100 десятин земли.

– Этот вопрос, – сказал В.И., – я считаю чрезвычайно важным и в ближайшее же время мною предприняты практические шаги к его разрешению.

– Таврический университет, – заявил далее академик Вернадский, – может и должен развиваться. Состав научных сил в нем, за исключением немногих кафедр, вполне полный и достаточно яркий.

Университет и студенчество

Под конец беседа коснулась вопроса о роли студенчества в жизни университета. Роль эту В.И. считает весьма важной и крупной, но именно в жизни университета, а не в управлении им. Последнее всецело должно принадлежать совету университета. В массах российского студенчества одно время бродила идея о привлечении его к управлению университетами, но практического осуществления она нигде не получила, выливаясь только в довольно фантастические проекты.

К сожалению, в Таврическом университете не чувствуется довольно яркой, полновзвучной жизни студенчества. Виной этому, вероятно, те тяжелые условия современности, которые отнимают у студентов все время на поиски заработков, но, так или иначе, студенчество Таврического университета до сих пор недостаточно использовало все возможности развития своей жизни, помимо участия в управлении университетом, что совершенно не нужно.

Таврический голос. – 1920. – 1 (14) октября. – № 338 (488)

№ 4

БЕСЕДА КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ «ЮГ РОССИИ»
С АКАДЕМИКОМ В.И. ВЕРНАДСКИМ

14 (27) октября 1920 г.

**Русская наука и русские ученые в Крыму
(Беседа с ректором университета В.И. Вернадским) [9]**

Наш сотрудник обратился к приехавшему в Севастополь академику Вернадскому с вопросом о положении Таврического университета и русских ученых, находящихся в Крыму.

Роль и задачи университета

– В моем заявлении, – сказал академик Вернадский, – сделанном профессорам университета перед моим избранием, я высказал свою мысль о положении Таврического университета и той роли, которую он должен сыграть.

Университет должен активно идти на помощь и поддерживать правительственные усилия [10] в деле возрождения России.

В настоящее время это единственный свободный русский университет, в котором полностью сохранена автономия, и именно ему надлежит заботиться о возрождении научной работы и воссоздании высшей школы на всей территории России по мере ее освобождения.

Другая задача – это немедленное содействие правительству в правильном использовании производительных сил природы.

Для выполнения намеченного мною плана Совет университета избрал специальную комиссию, задачи которой заключаются в собирании сведений о положении высшей школы в России, составлении мартиролога русских ученых и выработке плана воссоздания высшей школы и науки в России.

Положение ученых

– Положение профессоров и преподавателей сейчас очень тяжело; многие живут в ужасных материальных условиях и потому, конечно, не в состоянии правильно работать. Наша задача, прежде всего, – создать такие условия, при которых был бы обеспечен хотя бы минимум, необходимый для существования.

В этом отношении правительство широко идет нам навстречу.

Но, как уже всем теперь ясно, одно только увеличение количества выдаваемых денежных знаков не улучшает дела. Университет встал на путь самостоятельности и организует сам ряд продуктивных центров – сельскохозяйственные фермы, разведение птиц, свиней, кроликов, устройство молочной фермы, собственное рыболовство, прачечную и т.п.

Все это возможно, конечно, при правительственной поддержке, и начинания университета в этой области встречают самое сочувственное отношение правительства.

Связь с научным миром

– До сего времени мы были совершенно оторваны от научных центров Европы и Америки. Чтобы исправить это, университет организует получение иностранной научной литературы, для чего обращается с воззванием ко всем без различия странам Запада.

В этом деле университету широко идет на помощь правительство и обещает свое содействие американский Красный Крест, дающий обстановку для всех клиник и других учреждений медицинского факультета. Долгое время среди русской интеллигенции замечалась какая-то апатия – это явление чисто психологическое и в настоящий момент заметно стремление к активной работе. В этом отношении мы придаем большое значение предстоящему с 22 по 30 октября VII съезду Таврической Научной Ассоциации и университет перенес даже свой годичный акт [11] со 2-го октября на 22, приурочив его к этому съезду. Все вопросы, касающиеся положения русской науки и ученых, конечно, будут обсуждаться на этом съезде, который вследствие этого получает значение всероссийское, а не только местное.

– Я думаю, – закончил свою беседу ак. Вернадский, – что несмотря на стихийные процессы, участниками которых мы являемся, очень многое зависит от нашей воли. Надо думать, у русских ученых хватит энергии и воли к возрождению русской науки и русской культуры, к возрождению России, тем более, что правительство чрезвычайно охотно и широко идет навстречу всем начинаниям университета.

Юг России (Севастополь). – 1920. – 14 (27) октября. – № 157 (352)

№ 5

НЕКРОЛОГ Г.В. ВЕРНАДСКОГО
«АКАДЕМИК А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ»

4 (17) апреля 1919 г.

Кружным путем, из письма одесского профессора А.В.Флоровского, я узнал о том, что в Петрограде скончался академик А.С.Лаппо-Данилевский.

А.С. Лаппо-Данилевский – один из наиболее замечательных русских ученых. Главною областью его работы была, конечно, его специальность – русская история.

Он не ограничивался, однако, этою только областью: философия, история философии, государственное право – везде А.С. мог считать себя хозяином.

Велика была его начитанность в математике, политической экономии и языкознании. «Историк должен знать все» – говорил часто А.С.

Наиболее известным трудом А.С. по русской истории была его магистерская диссертация – «Организация прямого обложения в Московском государстве XVII в.» (СПб., 1890). Это исследование сразу создало автору крупное ученое имя и через некоторое время сделало членом Академии Наук. В дальнейшем А.С. почти не печатал объемистых книг; но каждое из его разысканий, в области ли хозяйственной или правовой истории России XVII – XVIII веков, или в области русской юридической и политической мысли XVIII в. – представляет сжатый результат долгого и упорного научного труда.

В последние годы А.С. читал в Петербургском университете курс методологии истории.

Ученая деятельность А.С. не ограничивалась печатными трудами и лекциями. А.С. вел большую организаторскую работу. Он являлся своего рода президентом в области русской истории. Он стоял во главе целого ряда ученых предприятий – коллективных, вроде издания памятников русского законодательства при Академии Наук, или личных, например, подготовки материалов по русской исторической географии, по определению состава русского общества XVIII в. и пр. На его «пятницы» собирались не только оставленные при университете и начинающие, но также и сложившиеся ученые, ища указаний А.С. для своих дальнейших работ.

Не одна ученая диссертация обязана своим возникновением такой беседе с А.С. Вместе с тем А.С. руководил деятельностью кружков, начинающих ученых, выросших из его учебных семинариев при Петербургском университете. Один из таких кружков занимался преимущественно философскими вопросами. Другой посвящен был «дипломатике частных актов московского периода». Выступая на международных конгрессах историков (А.С. превосходно знал не только главные новые языки, но также, например, и шведский), он являлся как бы официальным представителем науки русской истории пред лицом западного и американского ученого мира.

По предложению американских ученых А.С. уже во время войны стал во главе особой комиссии русских историков для составления четырехтомного обзора русской истории, который должен был быть издан в Америке; предприятие это, конечно, не могло быть осуществлено.

Ужасное время мы переживаем. Бессмысленно и преждевременно гибнут лучшие русские люди – и до нас доходят об этом лишь случайные и запоздалые известия. Те, кто видел А.С. прошлым летом, говорили, что он «совершенно истощен и измучен» нравственно и физически всем переживаемым. Но он считал необходимым до последней возможности держаться на своем ученом посту – в Петербургской академии. Минувшей осенью друзья А.С. хлопотали о том, чтобы он хоть временно уехал подкрепиться на юг России. Судьба решила иначе.

Проф. Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 4 апреля. – № 73 (146)

26 октября (8 ноября) 1919 г.

Телеграф принес тяжелое известие о смерти замечательного русского историка профессора Петроградского университета Сергея Федоровича Платонова. Имя его хорошо известно всей культурной России. Русская историческая наука понесла за последнее время невознаградимые утраты.

Один за другим, сошли в могилу наиболее видные ее деятели, сперва А.С. Лаппо-Данилевский [12], затем М.А. Дьяконов [13], наконец – С.Ф. Платонов.

С.Ф. Платонов, подобно обоим вышеназванным его современникам, был выдающимся ученым-аналитиком. Его исследования над рукописными памятниками нашего прошлого всегда точны, проникновенны, остроумны. Блестящим образом этой стороны научного таланта С.Ф. является его магистерская диссертация «Древнерусские сказания и повести о смутном времени» (1898). Тонкости и глубине научного анализа у С.Ф. не уступали сила и широта научного синтеза. Стремлением к этому синтезу проникнута знаменитая докторская диссертация С.Ф. – «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI – XVII вв.» (1899; третье издание вышло в 1910 г.).

Данные исторической статистики С.Ф. искусно сочетал в этой книге с исключительно чуткостью к явлениям исторической динамики. Изучение условий социально-экономического быта (здесь и далее выделено в газетах. – С.Ф.) помогло глубоко проникновению в смысл и последовательность политических событий.

Те же качества сказались в известном учебном руководстве С.Ф. для студентов – его «Лекциях по русской истории». Вышедшие первый раз в свет в 1899 г. «на правах рукописи», эти лекции, все время расширяемые и перерабатываемые их автором, достигли в настоящее время, кажется, уже 10-го издания. Не одно поколение русского образованного общества воспиталось на этой книге.

Дар устного изложения у С.Ф. был, вероятно, еще сильнее, чем писательский талант. Блестящий лектор, всегда собиравший полную аудиторию в Петербургском университете, блестящий диалектик в ученых спорах (например, на ученых диспутах), С.Ф. был и в частной беседе тонким, остроумным рассказчиком.

Вся научная деятельность С.Ф. была согрета изнутри глубоко искренней и органической любовью к предмету его исследований – России и русскому государству. Эта любовь составляла основной пафос его трудов, делаю его (по внутреннему стилю его научного облика) прямым преемником Карамзина.[14]

За последние два года С.Ф. выполнил громадный подвиг перед русской культурой и русской исторической наукой. После большевистского переворота он посвятил себя защите архивного дела в России, не испугавшись, ради спасения исторических ценностей, совместной работы с представителями петроградского «комиссариата народного просвещения». Деятельность С.Ф. в этом отношении была глубоко-плодотворною. Ему действительно удалось сохранить и спасти для русской науки и культуры петербургские и московские архивы. Но эта напряженная, нервная работа и сломила здоровье С.Ф. Еще в прошедшем июне месяце до меня дошли сведения об его болезни. И вот теперь – краткое, сухое сообщение о его кончине.

От нас ушел не только выдающийся ученый, ушел крупный, талантливый, воистину *русский* человек, может быть с недостатками, но зато и с большими, яркими, многообразными духовными дарами. Ушел – в такой момент, когда, быть может, особенно был бы ценен для нашей жизни.

Ученый историк смуты XVII века не пережил смуты века XX.

Проф. Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 26 октября (8 ноября). – № 78 (228)

21 ноября (4 декабря) 1919 г.

С небольшим сто лет тому назад известный Аракчеев¹⁵, этот, как его называли иногда, злой гений императора Александра I, по приказу своего повелителя, после утомительной борьбы с Наполеоном, начал располагать русскую армию на военные поселения.

Военные поселения – своеобразный опыт военно-крепостного коммунизма русской империи Петербургского периода. Военные поселения должны были осуществить ряд первостепенных задач как практического, так и принципиального характера.

По мысли императора Александра русская армия, расположенная в полном своем составе на военные поселения, должна была сама себя содержать, избавив прочее население России от всех тягот по своему содержанию, и от денежных и натуральных сборов, и от сбора рекрут. Военные поселения образовывались двояким путем. Или какая-нибудь воинская часть получала оседлость, избы, землю, хозяйство, так что солдат, оставаясь солдатом, в то же время делался и крестьянином. Или, наоборот, какая-нибудь казенная волость государственных крестьян объявлялась воинской частью: крестьянин, не прекращая своих работ по обработке земли, становился в то же время солдатом и подлежал обучению всей тогдашней воинской науке и строю. К концу Александровского царствования в военных поселениях числилось до 200 тысяч человек, или 1/3 тогдашней русской армии.

В теории военные поселения имели много светлых сторон. Их учреждением должна была быть достигнута значительная экономия всей народнохозяйственной жизни России. Задача содержания многочисленной армии казалась блестяще разрешенной. Эффектные отчеты Аракчеева убеждали императора Александра в финансовых выгодах и образцовом устройстве всего предприятия.

На практике военные поселения выглядели совершенно иначе. Ими одинаково тяготился как солдат, принужденный после утомительных войн и походов приниматься за позабытые уже им крестьянские работы, – так и крестьянин, получивший в руку винтовку, одетый в солдатский мундир и в промежутках между своей обычной работой занятый теперь изучением солдатской службы.

Военные поселения сулили солдату – крестьянину большие выгоды. Каждый поселянин получал дом, землю, скот, хозяйственное обзаведение. Все это называлось его «собственностью». Но собственностью этой он распоряжаться не был волен. Он отвечал перед начальством за исправное распоряжение этой собственностью в интересах всей поселенной общины – роты, полка и пр. В сущности, имущество, выданное каждому поселянину, принадлежало именно всей войсковой единице. На отчисления от доходов поселян образовывался ротный капитал, из которого поселянин обеспечивался на случай своей инвалидности и пр. Поселенная рота была настоящею коммунаю, обеспечивавшею каждого отдельного своего члена, но вместе и поглощавшею всецело его индивидуальность.

На каждом поселянине лежало бремя постоянной ответственности перед коммунальной ротной казною. Хозяин отвечал за ежедневную работу, рабочий скот, содержание в порядке двора своего и улицы перед ним и пр.; хозяйка – за домашнюю птицу, за сор в избе, за пропавшие ухват и кочергу. Все, отмеченные в коммунальной ротной канцелярии как «ленивые», подлежали взысканию.

Дети поселянина с малых лет оторваны были от семьи; зачисленные в «кантонисты» и одетые в мундирчики, мальчики проводили целый день в школе или на учебном плацу. Дочери на возрасте нередко выдавались замуж также по распоряжению ротной канцелярии.

При всем этом стеснении домашнего быта все поселяне, не достигшие 45 лет, обучались фронту; знание маршировки и ружейных приемов вколачивалось палками по обычаю того времени.

В результате – тяжелая, безотрадная, неуютная жизнь, несмотря на несомненные экономические выгоды. Вытянутые в линию казенного типа здания; жи-

тели, одетые в мундиры; строгая, всепроницающая дисциплина – таковы видимые результаты военных поселений. Эти результаты внушали всеобщий ужас. При одном слухе о грозящем переводе какой-нибудь волости в поселенные роты жители этой волости начинали разбегаться; крестьяне подавали высокопоставленным лицам просьбы «о защите крестьянского народа от Аракчеева».

Недовольство военных поселян своими распоряжениями оказывалось часто больше их терпения. Вспыхивал бунт (особенно сильный при Александре I в Чугуевских поселениях; а при Николае I – в Новгородских[16]). Бунт подавлялся всегда чрезвычайно жестоко. Пускались в ход шпицрутены и палки; засекали насмерть десятки виновных или оговоренных.

Жестокие наказания и казни, весь строгий уклад поселенного быта – делали военные поселения страшными не только для самых поселян, но и для многих их современников, а равно и для позднейших наблюдателей; об отмене военных поселений, начиная с декабристов, твердили многие просвещенные русские деятели. Военные поселения были сокращены в царствование Николая I и вовсе отменены в самом начале царствования Александра II.[17]

В двадцатом веке на наших глазах военные поселения вновь возрождаются к жизни. Происходит это любопытное с социологической точки зрения явление в пределах советской социалистической республики. Осуществление военных поселений идет теми же двумя путями, как и в Александровской России: крестьянин становится у себя в деревне солдатом, а солдат имеет превратиться в крестьянина.

Обычные деревни, прежние крестьянские общины ныне в Совдепии превращены (по крайней мере на бумаге) в сельскохозяйственные коммуны. Прежний самостоятельный хозяин уже не может свободно располагать продуктом своего труда (реквизиции продуктов сельскохозяйственного труда в пользу общины или всей республики). В этих коммунах повсеместно введено всеобщее военное обучение. На плакатах, расклеенных в Симферополе в период советской власти[18], можно было видеть фигуры крестьян с ружьем, обучающихся у себя в деревне, в свободное от сельскохозяйственных занятий время, маршировке и военному строю. Советский крестьянин становится красноармейцем.

К тому же результату советская власть начинает подходить и с другого конца.

По сообщениям советских «Известий» (от весны истекающего года), на одном из съездов красноармейской организации «российской коммунистической партии» было признано необходимым подготовить перевоспитание советской «красной армии» в армию коммунистов. В этих видах все части красной армии должны быть со временем превращены в «производительные коммуны», члены которых наряду с выполнением общепользующего хозяйственного труда будут обязаны неуклонно продолжать заниматься и военным строем. По смыслу этого постановления, красноармеец должен превратиться в коммуниста-крестьянина.

Постановление, вероятно, не могло быть проведено в жизнь, так как красная армия принуждена непрерывно нести службу на фронте. Но принципиальный смысл постановления ясен: красную армию в случае успеха и мира ожидает будущность военных поселян.

Можно думать, что в этом случае, при благоприятных условиях, не замедлят вырасти и казарменного типа рационально устроенные здания; возникнет очень скоро вся обстановка Аракчеевых военных поселений. Дух их уже сейчас встает над советской социалистической республикой. Коммунистическая дисциплина и коммунистическое хозяйство сковывают личность каждого гражданина. Военные потребности времени накладывают на все красноармейскую печать.

Троцкий [19] продолжает дело Аракчеева.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 21 ноября (4 декабря). – № 99 (249)

Статья Г.В. ВЕРНАДСКОГО «ДАР ЕКАТЕРИНЫ
(К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ)»

26 ноября (9 декабря) 1919 г.

Русское общество мало ценит деятелей своего прошлого: в нас слишком еще мало чувства связи с этим прошлым. Та слабость исторической традиции, которая в свое время вызвала горькие размышления Чаадаева [20] – дает себя знать и по сию пору.

В симферопольской городской думе, по сообщениям газет, предложение о поспешии на восстановление памятника императрице Екатерине [21] прошло большинством всего одного голоса. Один только голос спас городскую думу от упрека в непростительной в данном случае скупости.

Мы создали себе трафарет «прогрессивности», по которому примериваем не только современников, но и предков. Всякий, кто в чем-либо не подходит под трафарет, сейчас же изымается из обращения. Ему немедленно отказывают в праве политического существования. Лица царствовавшей фамилии заранее взяты у нас на подозрение в смысле их прогрессивной благонадежности.

Императрице Екатерине в этом отношении посчастливилось, пожалуй, еще более других носителей русской императорской власти. Ее свободомыслие и вольтерьянство оправдывает ее в глазах представителей свободомыслящего и прогрессивного русского общества конца XIX и начала XX века. «Философ на престоле» – так обычно с сочувствием говорят про Екатерину, а между строк жалеют, что все же – на престоле... Зато социально-административная деятельность Екатерины обычно не встречает сочувствия. Время Екатерины даже в учебниках носит не вполне лестный заголовок: «Эпоха расцвета крепостного права и дворянских привилегий». При этом, правда, обычно делается оговорка, что императрица-философ лично была против крепостного права, как это и отразилось в ее знаменитом «Наказе». И только в революционных брошюрах императрица Екатерина прямо уже заносится в число исторических грешников, не имеющих право на помилование – «за распространение крепостного права».

Так ли это? Правилен ли такой взгляд на значение внутренней политики Екатерины? Время Екатерины – сложная и запутанная историческая эпоха, которую нельзя характеризовать общими фразами. Конечно, крепостное право в эту эпоху достигло едва ли не своего апогея – но в эту же именно эпоху обозначились и первые признаки его упадка. Правительственная политика наметила себе цели широкой перестройки общественного уклада. Этим целям служили проекты Екатерины о создании «среднего рода людей», не-крепостных и не дворян; к этим же целям направлялась политика одного из главных государственных деятелей Екатерининской эпохи, прочно связавшего свое имя с Тавридою и нашедшего себе место на симферопольском памятнике – Потемкина. [22]

Потемкин – крупная историческая фигура, также не оцененная до сих пор по заслугам нашим общественным сознанием. Его социально-административные планы были в главных чертах восприняты Екатериною и продолжали ею осуществляться и после смерти Потемкина. Планы эти сводились к созданию на юге России свободного земледельческого сословия, способного составить прочную основу внутреннего быта русской империи и защитить ее оружием также от внешних нападений. Сословие это, по терминологии Потемкина, должно было получить имя «казачества», хотя в смысле политических прав и привилегий оно и не равнялось прежнему запорожскому казачеству.

Расцвет крепостного права – стихийное явление русской жизни XVIII века. Наоборот, попытки создания свободного земледельческого казачества – признак сознательной политики императрицы Екатерины и ее приближенных, их личный вклад в русскую историю.

Попытки не получили того широкого размаха, который первоначально думал придать им Потемкин, но они однако же не прошли бесследно. Они привели, между прочим, к созданию кубанского казачьего войска. Не случайно главный город Кубани носит название – Екатеринодар. Кубань действительно – дар Екатерины.

В 1787 году перед началом второй (при Екатерине) турецкой войны Потемкин получил разрешение образовать на юге России особое казачье общество из оставшихся в России после уничтожения Сечи запорожцев. Под начальством Сидора Белого, Антона Головатого, Захария Чепиги, это новое сословие «верных черноморских казаков» оказало существенные услуги регулярной русской армии.

После смерти Потемкина и по окончании турецкой войны черноморское казачество получило для поселения земли на Тамани и по Кубани. Эти земли казачество устроило и защитило от внешних неприятелей упорным многолетним трудом – мирным и боевым.

Семена, брошенные Потемкиным и Екатериною, дали обильные всходы в наше время. Не знавшее крепостного права свободное казачество юга России сделалось опорой русской государственности против выросшей исторически на крепостном праве и потому легче поддавшейся соблазну большевизма сердцеvine русской империи.

Имя Екатерины – символ блеска и могущества России в военном и дипломатическом отношениях. Но и во внутренней политике Екатерины не может быть обойден молчанием ее ценный дар русской истории.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 26 ноября (9 декабря). – № 102(252)

№ 9

**СТАТЬЯ Г.В. ВЕРНАДСКОГО «ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА.
IV. СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО»**

3 (16) декабря 1919 г.

Русский социализм вызван к жизни, вероятно, не столько пропагандой своих сторонников или распоряжениями германского генерального штаба, сколько известными объективными историческими условиями: жизненные тяготы военной разрухи оказали свое разлагающее влияние на всю психику русского народа: социализм обещал устранить эти тяготы, брался устранить продовольственную неурядицу и заменить ее строгою системою – организацией, учетом и объединением народнохозяйственных сил. Обещания своего русский социализм не выполнил и вместо решения задачи надолго ее запутал и затруднил решение ее, кому бы то ни было. Но обещание это он все же пытался выполнить, к разрешению задачи начал приступать. Какими средствами?

Средства эти хорошо всем известны. Бесчисленные декреты различных исполкомов (исполнительных комитетов) каждый день что-нибудь регулировали, реквизировали, запрещали, – а в северной и центральной России еще продолжают, вероятно, всю эту свою работу.

Мы знаем, что советский гражданин совершенно потерял право свободно распоряжаться своею личностью и своим имуществом. Всякий самостоятельный шаг был ему запрещен без разрешения соответствующего исполкома. Он не может выехать из города без разрешения; не может выходить на улицу после такого-то часа; не может купить или продать хлеб, муку, крупу и пр. Особенно сильно чувствуется это поистине крепостное состояние советского гражданина в деревне. Крестьянин не может распорядиться своим имуществом и продуктами своего хозяйства; скот у него взят на учет или реквизирован; зерна оставлено ему столько, чтобы только он не умер голодною смертью; излишки отобраны в коммунальный склад; крестьянин – не самостоятельная личность, он только член коммуны; коммуна – вот народно-хозяйственная основа Советской России.

Советский крестьянин, как и всякий прочий советский гражданин, подпал под новое крепостное право, – и при том часто ничуть не менее тяжелое, чем помещичье крепостное право XVIII – XIX веков.

Было бы ошибочно и неисторично представлять себе это крепостное право только непрерывною цепью актов личного произвола и насилия помещика над крестьянином (как обыкновенно это рисует наша политическая публицистика).

Если бы это действительно было так, крепостное право не могло бы так долго существовать в России и держать на себе огромное здание дворянской Российской Империи. Очевидно, дело обстояло иначе.

Подобно современному советскому строю, крепостное право XVIII века представлялось способным разрешить хозяйственные потребности тогдашнего государства, организовать, взять на учет и направить к общей цели разрозненные иначе (так в тексте. – **С.Ф.**) и распыленные усилия отдельного хозяйственного производителя.

То, что нам часто кажется наиболее характерным признаком крепостного права – личный гнет помещичьего произвола – испытывали на себе сплошь и рядом только «дворовые»; крестьяне же ощущали крепостное право в виде некоторого общего, хотя бы и стеснительного экономического и юридического порядка, а не только личного насилия над собою со стороны барина. В имениях крупного владельца крестьянин часто не видел и в лицо этого владельца.

Порядок же крепостного права осуществлялся через посредство сельской общины, «мира». «Мир» – это социалистическая коммуна крепостной России.

Через «мир» осуществлялась обычно помещичья власть, делались все распоряжения помещика, и «мир» выполнял эти распоряжения, связывая круговую порукою всех своих хозяев, – точно так же, как социалистический порядок осуществляется и вводится через коммуны.

Личность каждого крестьянина крепка была не только верховной воле помещика, но прежде всего своему близкому «миру», из воли которого не выходил крестьянин в ежедневной своей жизни. Фактически, благодаря «миру» крестьянин иногда чувствовал зависимость свою от помещика и наоборот, постоянно ощущал зависимость от этого самого «мира», от «коммуны».

В громадном большинстве случаев, помещик являлся властью, не крестьянами установленною и крестьянам чуждою; но теоретически вполне мыслимо, чтобы источник этой власти лежал в самих крестьянах (как теоретически, в коммуне находится источник власти и социалистической советской республики). Да не только теоретически: бывали и на практике случаи избрания крестьянами своего господина и верховного повелителя. Так, был избран в «господа» прадед славянофила Хомякова крестьянами выморочного имения одного из дальних родственников Хомякова, предложившего крестьянам самим избрать себе наследника. П.П. Семенов-Тянь-Шанский [23] в своих воспоминаниях приводит чрезвычайно интересный рассказ гр. Бобринского о том, как крестьяне одного имения, отпущенные владельцем на волю, побоялись «избаловаться» и сами пригласили к себе повелителя – наняли управляющего из немцев, под условием, чтобы он поступал с ними по-строже.

Верховная власть, избранная самим крестьянским миром, – вот обстоятельство, которое позволяет нам уяснить себе социологический смысл русской крепостной общины XVIII – XIX веков и помогает провести указанную параллель между нею и крепостною коммуною.

Все это, однако, теория или редкая практика. Остается обычная житейская практика: произвол помещика, хотя бы лишь преимущественно по отношению к окружающей его дворне. Но ведь и коммунистический «исполком» – практика, а не только теория. И на практике, как утверждают люди, знающие на опыте жизнь советской деревни, какой-нибудь председатель исполкома, свой «бедняк» или присланный из города комиссар, нередко также своевольничает немало, иногда так же, как и прежний владедец, по части «женского пола».

Прежнее дворянское сословие связано было известными (иногда совсем расшатанными, но в некоторых случаях и очень крепкими) нравственными принципами. Сильны ли эти принципы в новых господах, поставивших себя над русскою деревнею именем советского социализма?

Новое крепостное право, вероятно, очень недолговечно, и конечно, будет ненавидимо в памяти народной не менее прежнего.

Г.Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 3(16) декабря. – № 108 (258)

8 (21) декабря 1919 г.

У нас принято противопоставлять «государство» и «общество», или «государство» и «народ». Развитие государственной мощи России мыслилось, как особый исторический процесс, совершенно не связанный с развитием «народа» или «общества».

В таком противоположении повинны еще наши славянофилы (особенно К. Аксаков [24]). Оно было подхвачено и углублено социалистическим уклоном русской общественной мысли и экономико-юридической школой русской историографии.[25]

Вся наша оппозиция строила свою противоправительственную идеологию на таком разделении «общества» и «государства». Жизнь показала, что когда такое разделение действительно произошло во время революции, то это было гибелью и распадом и для «государства», и для «общества». Государство могло держаться лишь до тех пор, пока оно было поддерживаемо народным сознанием. Но и обратно: народ лишь тогда мог жить мирной культурной жизнью, пока жизнь это протекала в рамках государственности. Иными словами: развитие народа и развитие государственности одно от другого неотделимо. Это разные стороны одного и того же исторического процесса.

И поэтому, глубоко неправильна та презрительная формула, которою определил русское историческое развитие покойный Ключевский [26] : «Государство пухло, а народ хирел». Эта формула отвечала сознанию русского интеллигентного общества и в свою очередь сама была материалом для выработки этого сознания. По существу это лишь эффектная фраза, а не вывод из пристальных ученых наблюдений.

Государство росло и распространялось, потому что рос и распространялся народ. Государство болело тогда, когда болел народ. Государство развивалось, потому что развивался народ. Государство есть результат народного творчества.

Первые московские князья, собирая русские земли под свою высокую руку, действовали, конечно, прежде всего по велению фамильного инстинкта. Но, кроме того, окружающие их, и, главным образом, святители церкви разворачивали перед ними и широкую программу национального характера. Деятельность московских князей только потому могла иметь успех, что вполне соответствовала стремлениям и усилиям руководящих кругов всего общества.

Стихийные исторические силы работали за московских князей и помогали созданию единого русского государства.

Сознательная общественная мысль действовала в том же направлении. Московская литература всемерно проникнута была представлениями о национальных и даже всемирно-исторических задачах создающегося государства. «Москва – третий Рим», вот краткая формулировка этих задач.

Под влиянием всего сознательного и стихийного общественного развития на Москве создалась вокруг царского дворца прочная правительственная среда. В этой среде воспитывались стойкие московские дипломаты, осторожные и настойчивые полководцы, упрямые администраторы, бережливые финансовые дельцы, люди, – как все люди – с недостатками, но зато ни в чем не согласные допустить «государеву делу» какую либо поруху.

Эта правительственная среда, – государевы служилые и торговые люди, – дала опору и для новой, петербургской, империи во время и после Петровской реформы. У нас принято повторять анекдоты о взяточничестве и воровстве русской бюрократии петербургского периода, о распущенности и разврате русского дворянства этого времени. Мы забываем, однако, что это все-таки только анекдоты, характеризующие не весь порядок вещей в целом, а лишь злоупотребления. Если бы верны были только анекдоты, петербургская империя не оставила бы нам великих воспоминаний. Однако, были же в русском прошлом и героизм, и самоотвержение, и 1812 год, и крестьянская реформа 1861 года.

Великая русская литература, замечательное русское искусство во всех его проявлениях – разве все это было случайным и несвязанным с жизнью явлением? Разве это «народ» или «общество», а не «государство»?

Но где выработался единый великий русский язык, последняя надежда Тургенева? [27] Нельзя отрицать роль государственных учреждений в деле сложения и распространения русского языка. Дьяки московских приказов, чиновники петербургских канцелярий (во всяком случае XVIII – первой четверти XIX веков) чрезвычайно много сделали для точности и выразительности русского языка. Конечно, это не была их прямая задача; она достигалась попутно в их работе, но от того не меньше заслуги. Это может показаться мелочью, но на самом деле это – очень много. Из таких мелочей творится жизнь. Язык – могучее орудие национальной культуры. Создатели русского языка – создатели русской культуры. Вот почему я упомянул об этом эпизоде. И таких эпизодов много, какую бы область жизни ни начать рассматривать.

Русское искусство, русскую церковь мы готовы признать созданием народного гения. Труднее доступна нам мысль, что все русское государство – такое же создание русского народа. В этом государстве видят много темных сторон – но нельзя же из-за них не замечать могучих творческих сил, направляющих всю его жизнь.

Эти творческие силы чувствовал в русском государстве даже Герцен [28], который при всей своей ненависти к абсолютистскому русскому правительству, не мог не признать глубоко-народный характер петербургской империи (с его точки зрения, даже более народный, чем «период царей московских»).

Может быть, самый убедительный пример народной основы русского государства следует видеть как раз в том, что принято считать лишь «внешним усилением» государства – в процессе расширения и распространения территории русского государства.

Внешний рост русского государства являлся лишь подведением итогов народной русской колонизации. И с этой стороны русское государство – плод национального творчества русского народа. На это я указал и выше. Но подробнее об этом – в следующем письме.

Г. Вернадский
Таверический голос. – 1919. – 8(21) декабря. – № 112 (262)

№ 11
СТАТЬЯ Г.В. ВЕРНАДСКОГО
«АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В XVII ВЕКЕ»

10 (23) декабря 1919 г.

Русская смута XX века в идейном отношении выросла из европейской революции XIX века; европейская – из французской XVIII века; французская из английской XVII века; английская – из германской социально-религиозной смуты XVI века.

Религиозная реформация превратилась постепенно в политическую революцию. Полное слияние обоих начал видим мы уже в английской революции. Французская революция XVIII века дышит, наоборот, чисто светским политическим воздухом. XIX и XX век приносят человечеству новую религию – социализм. Социализм стремится занять в душе человеческой место, которое прежде занято было христианством. Политические движения нашего времени имеют ярко выраженный антихристианский характер, но по всей психологии участников, их нужно сопоставить с религиозными движениями прежних времен. Круг начинает замыкаться.

Именно поэтому, несмотря на весь контраст внутреннего идейного содержания русской социалистической революции XX века и английской смуты XVII, между двумя этими народными движениями все же гораздо больше общего, чем, например, между русской и «Великой» французской революциями.

Внешние формы, в которых протекает исторический процесс Англии XVII и России XX веков, часто сходны даже отдельными деталями.

Вот почему совсем особенный интерес представляет для нас ход и исход английской революции XVII века.

Внешняя канва событий английской революции хорошо известна. Революция от своего зарождения до окончательного финала наполняет собою шестьдесят три года английской истории XVII века. В 1625 году вступил на престол злосчастный король Карл I [29], казненный 30 января 1649 г.; в 1688 г. пала династия Стюартов [30] и революция («вторая», но по существу все та же, первая) завершилась компромиссом между «короною» и «народом» в виде умеренно конституционной монархии Вильгельма Оранского.[31]

Первый акт революционной драмы – борьба между Карлом I и парламентом. Борьба продолжалась впоследствии на страницах политических памфлетов и исторических исследований; подводя итоги борьбы, следует признать, что Карлу не повезло и после его смерти, как не везло при жизни: голоса сторонников его почти заглушались и впоследствии хором его противников. Особенно в глазах русского образованного человека последних десятилетий имя Карла знаменует собою неудачное отстаивание неправильных и грешных привилегий; имена вождей парламентской оппозиции, Элиота, Пима, Гемпдена, наоборот, окружены ореолом борьбы за народные интересы.

Один из первых лидеров этой оппозиции, Вентворт, с такой точки зрения навеки запятнал и обесславил себя, перейдя в лагерь защитников короля под именем графа Страффорда.

В религиозном вопросе за короля стояли представители консервативной мысли – сторонники англиканской епископальной церкви во главе с епископом Лоудом. Против них, за парламент, выступали проводники реформы – кальвинисты-пресвитериане. Первое время с ними вместе шли крайние религиозные революционеры, проповедчики религиозного сектанства «независимые» (индепендетные).

Борьба между королем и парламентом, начавшись с теоретических прений о правах, вылилась вслед за тем в тяжелые формы междоусобной гражданской войны между защитниками короля и поборниками парламента, «кавалерами» и «крутлоголовыми». Борьба кончилась казнью короля, но вместе с тем и гибелью парламента.

Теоретики парламентских привилегий оказались неспособными управлять развивающимися событиями. В сущности, за короля и епископальную церковь было большинство народа, но большинство это держалось пассивно; оппозиция представляла собою в численном отношении меньшинство; меньшинство могло пробить себе дорогу к власти лишь энергиею и сплоченностью, а не теоретическими рассуждениями.

Пресвитерианские деятели парламента имели перевес в борьбе с королем только до тех пор, пока с ними вместе шли и представители крайних левых религиозных течений; столкнув короля и став на его место, пресвитерианское большинство парламента само попадало под удары крайних левых. Гражданская война дала этим последним возможность создать свою крепкую военную организацию; борьба воспитала и закалила их вождей, среди которых быстро выдвинулся, и как военный генерал и как первоклассный политический деятель, знаменитый Оливер Кромвель.[32]

В декабре 1648 г. индепендентский военный отряд полковника Прайда произвел известную «очистку» парламента от главных деятелей пресвитерианского большинства. Однако, и в таком урезанном виде «охвостье» всенародного парламента мешало победившей религиозной партии. Весною 1653 г. Кромвель распустил остатки парламента; против этого акта раздались лишь слабые протесты. «Ни одна собака на меня не залаяла», выразился по этому случаю Кромвель. После этого всенародный парламент был заменен съездом делегатов от индепендентских местных советов. Этот съезд, «Бэрбонский парламент», принял несколько радикальных законопроектов (отмена прежних судебных порядков, введение гражданского брака и пр.).

Следующий акт революции – «протекторат» Кромвеля, его революционная диктатура. Неполноправный парламент играл лишь незначительную роль при лорде протекторе; десяток военных комиссаров управлял Англией именем Кромвеля.

Сам Кромвель обратил теперь главное внимание на внешнюю политику. Англия начала энергично вмешиваться в европейские дипломатические отношения. Диктатура постепенно превращалась в монархию.

После смерти Оливера Кромвеля (1658) протектором сделался его незначительный сын Ричард. В стране начались смуты и анархия. В 1660 г. один из бывших кромвелевских генералов Монк объявил себя за «парламентские вольности», т.е. за прежний порядок государственного устройства Англии. Англия завоевана была Монком чрезвычайно легко. Были собраны оставшиеся в живых члены «Долгого парламента»; созданный ими и Монком «свободно-избранный» парламент признал необходимым восстановить монархию и призвать на престол сына казненного короля под именем Карла II.[33]

Но революция этим не кончилась. После периода довольно определенной реакции и усиления королевской власти, революция вспыхнула вновь в 1688 г. Эта новая революция ставила себе уже весьма ограниченные цели во взаимоотношениях между королем и парламентом, и этих целей добилась очень легко.

Энергичное, организованное меньшинство английских религиозных сектантов в пылу гражданской войны захватило власть в свои руки, распустило всенародный парламент (заменяв его съездом индипендентских советов), казнило короля, выдвинуло своего диктатора – Кромвеля, и двенадцать лет пользовалось властью, одерживая все время верх над своими внутренними и внешними врагами. Но погасла вспышка внутренней религиозной энергии – и под внешним тонким покровом индипендентства и просвитерианства стал вновь заметен массивный материк прежней народной религии.

Энергичное, организованное меньшинство русских социалистических сектантов на место прежнего русского государства поставило социалистическую советскую республику; расстрелян был русский царь; разогнано всенародное (по идее) Учредительное Собрание и заменено съездом советов; появился лорд-протектор в лице председателя совнаркома. Советская республика долгое время (долгое – относительно, ибо темп жизни донельзя ускорился с XVII-го века) успешно боролась со своими внутренними и внешними врагами.

Не приблизился ли, однако, ныне час ее конца?

Не была ли весна 1919 г. кульминационным пунктом развития советской республики? Не ослабело ли уже напряжение религиозной энергии социализма, и не заметны ли стали вновь прежние основы духовной жизни русского народа? Или еще не пережит нами девятый вал большевизма?

Будущее – и теперь, вероятно, уже недалекое – принесет ответ на все эти вопросы.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 1919. – 10 (23) декабря. – № 113 (263)

№ 12

Статья Г.В. ВЕРНАДСКОГО «ПРОТИВ СОЛНЦА»

31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.)

Два племени разделили между собою главную честь великой исторической задачи, выпавшей на долю индоевропейской расы. Задача заключалась в колонизации земного шара, в распространении христианско-европейской культуры и свойственных ей форм государственного быта. Эти племена – англо-саксонское и русское. Первоначальная их родина – близкие друг к другу по географическому положению местности центральной и центрально-восточной Европы.

Стихийный поток англо-саксонской колонизации направился оттуда по солнцу, к западу, на Британские острова, а с половины XVI века – дальше на новую землю, в Америку. Русская колонизация лилась в противоположном направлении: против солнца, к востоку.

В северо-восточной части нынешней Европейской России, на территории Московского княжества и замосковных земель творилось Московское государство, созидалась и собиралась с силами русская народность, загнанная в этот глухой угол набегами кочевников на степи южной России. В половине XVI века начинается стремительно быстрое распространение Московского государства на восток и

юго-восток, на низовье Волги, на Яик (Урал), в Прикамье и за Каменный Пояс (Уральские горы) – в Сибирь.

Первая волна поступательного движения русского племени на восток вызвана не правительственной, а частной инициативой. Глубоко неправилен и неисторичен распространенный взгляд, будто русское племя обнаружило в истории косность и пассивность, недостаток инициативы и предприимчивости, будто оно только рабски-покорно следовало велениям правительства.

Конечно, было бы точно такую же ошибкою утверждать обратное: будто правительственная политика в деле укрепления и распространения русской народной колонизации играла лишь небольшую роль.

Во всяком случае, правительственная политика все время питается мощными подземными историческими движениями народа.

Русская колонизация Сибири – образец высокоразвитой народной инициативы и предприимчивости. Первая вооруженная экспедиция русских в Сибирь – знаменитый поход Ермака [34] 1581 г. – организована была не московским правительством, а частными средствами владельцев Прикамья – Строгановых.[35]

В XVII веке в Сибирь одна за другой хлынули небольшие, но многочисленные ватаги «промышленных людей» (охотников на соболя и скупщиков меха) и казаков, которые быстро обследовали многоводные гигантские Сибирские реки: по притокам Оби добрались до Енисея, по притокам Енисея до Лены, а с Лены выплыли на своих суденышках («кочах») в Студеное Море (Ледовитый океан); по южным же притокам Лены добрались до бассейна реки Амура. Всего полстолетия потребовалось русским землепроходцам, чтобы от Уральских гор дойти до Тихого океана, преодолев необъятные пространства Сибири, ведя упорную неустанную борьбу с холодной суровой природою.

Лишь по пятам вольной колонизации шла колонизация государственная, регулярная, учреждались административные центры, переселялись крестьяне, запахи «государева пашня», вызывались священники «крепко-жительные и учительные и небражники». Новая страна быстро приобщалась к старинным землям Московского государства.

В начале XVIII столетия поток русской колонизации пробивается за океан. Снаряженные петербургским правительством ученые экспедиции (Федорова [36], Беринга [37], Чирикова [38]), а за ними и частные предприниматели добиваются до «Большой Земли» за Тихим океаном – Америки. В XVIII столетии занята была Аляска; в первой четверти XIX-го – основана русская колония в Калифорнии. Всеми делами русских промыслов в Америке заведовала в это время особая «Российско-Американская компания» [39], в которой главную роль играют русские купцы-промышленники, но принимают участие и высокопоставленные особы, близкие к петербургскому двору.

На тихоокеанском побережье Америки русская колонизация встретила с англо-саксонской: весь круг был пройден.

Следует отметить, что русская колонизация шла гораздо более быстрым темпом, чем англо-саксонская: за первую половину XVII-го столетия русские прошли все пространство Сибири, т.е. продвинулись почти на 100 географических градусов долготы, в то время как англичане в Америке за все XVII-е столетие продвинулись (на той же приблизительно северной широте) лишь на 20 градусов долготы.

Слабая сторона в истории русской колонизации – малая численность переселенцев до середины XIX века. Западная Сибирь к этому времени была еще населена русскими сравнительно более густо (всего на территории Сибири русских поселенцев можно насчитать в это время до 3 миллионов человек); но восточная Сибирь тогда была еле тронута русской колонизациею (интенсивнее пошла здесь колонизация лишь с 1860-х годов, после вторичного приобретения русскими Амура, в XVII веке раз уже занятого, но затем уступленного Китаю). Русская колонизация тихоокеанского побережья Америки едва начиналась (впрочем, русская церковь, а отчасти и русский язык быстро утвердились среди туземцев Алеутских островов и на побережье Аляски).

Русская колонизация в Америке не была поддержана русской государственной властью. В 1840-х годах были проданы русские владения в Калифорнии; в

1867 г. Соединенные Штаты приобрели у России громадную Аляску всего за 7 с небольшим миллионов долларов, то есть (по тогдашнему курсу) менее, чем за 15 миллионов рублей. В Калифорнии было найдено золото вскоре после ее продажи; о золоте в Аляске имелись сведения еще до ее продажи Америке, но на эти сведения не было обращено внимания тогдашним русским правительством. Разработка этого золота сделала Аляску одним из видных источников американского богатства.

Разумеется, далеко еще не использованы нами природные богатства и производительные силы ранее и прочнее занятой Сибири. Русская колонизация Сибири сделалась особенно интенсивной после отмены крепостного права в 1861 г. и постройки Сибирской железной дороги в конце XIX века. Население Сибири к концу XIX века поднялось до 7 миллионов человек; в течение первых двух десятилетий XX века оно росло необыкновенно быстро, и в настоящий момент, вероятно, достигло цифры в 20 миллионов.

Русская колонизация северо-восточной Азии, по своей быстроте, а также и по достигнутым культурным результатам, имеет мировое значение. Недаром отдает ей дань удивления исследователь колонизации современных народов, известный французский экономист Поль Леруа Болье [40], который говорит, что русский народ обнаружил в своем движении на восток «необыкновенные качества воли, терпения, умение приспособляться к новым условиям активности».

Блестящие результаты русской колонизации достигнуты были русским народом после упорной напряженной борьбы с неблагоприятными географическими условиями. Как юго-восток Европейской России, так и Сибирь была завоевана трудом и энергиею. Русский народ все время двигался *против солнца* (выделено в газете. – **С.Ф.**) не только в буквальном, но и в переносном смысле. И тем не менее – движение это было неудержимо.

Распространение русского государства к востоку – громадное историческое дело русского народа. Оно доказывает творческие трудовые способности русского народа. Подобно русскому языку, и русская колонизация свидетельствует о величии русского племени.

Г. Вернадский

Таврический голос. – 31 декабря 1919 г. (13 января 1920 г.). – № 25 (275)

№ 13

СТАТЬЯ Г.В. ВЕРНАДСКОГО

«ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

28 января (10 февраля) 1920 г.

Взаимоотношения наши с союзниками России по германской войне, с державами «Антанты» – большой и сложный вопрос. Так много накопилось за два года революции взаимного непонимания, обид, ложных шагов, всяческих недоразумений. Мы часто склонны были приписывать это тому, что на Западе «мало знают» о внутренней жизни нашей страны и о последовательном ходе нашей революции. Разумеется, такое утверждение было бы ошибочно. Дело не в том, что на Западе «мало знают» о нашей жизни, а в том, что мало хотят о ней знать. Если бы хотели – материалов можно бы собрать, конечно, достаточно. Недавно полученные в Симферополе четыре тома сочинения Анэ [41] (Claude Anet. La revolution russe. 4 vol. Paris Payot, 1917 – 1919) доказывают, что во французской печати можно найти довольно точное изображение наших событий.

Книжка Анэ о русской революции составилась, главным образом, из корреспонденций, посылавшихся автором в «Petit Journal» с начала революции до середины 1918 г. Корреспонденции легко и талантливо написаны и в общем дают правдивую и яркую картину русской смуты. Картина эта, конечно, не нова для тех, кто сам был свидетелем описываемых событий, но она приобретает особенный интерес именно потому, что написана иностранцем. Впечатления стороннего наблюдателя часто уясняют многое лучше, чем оно самому представляется. Анэ

хорошо осведомлен и за немногими исключениями сравнительно хорошо умеет разбираться в явлениях русской действительности.

Четыре тома сочинения Анэ идут один за другим в хронологическом порядке. Первый включает в себе впечатления автора «в Петрограде и армиях» с начала революции по май 1917 г. День за днем описываются настроения Петрограда (главным образом, уличной толпы), начиная с 23 февраля ст.ст. Любопытно отношение француза к пулеметной стрельбе с крыш по революционным солдатам и рабочим. Эта стрельба в течение нескольких дней поддерживалась, как говорили, остатками полиции. Известие об этом, проверенное самим Анэ, вызывает в авторе чувства изумления перед верностью своему долгу царской полиции. «В трагический час русской жизни, когда великие князья, высокие сановники, генералы склоняются перед нарождающейся властью и забывают присягу, данную императору, вот одни только городовые («des garodovoï»), в темной душе которых сохранилось чувство долга».

Бродя по петроградским улицам, приглядываясь и прислушиваясь ко всему, что происходило, Анэ не сразу мог узнать «напев, который толпа беспрестанно повторяет, печальный напев, без выражения, монотонный, без ритма». С трудом догадался он, что это марсельеза.

«Что сделал русский народ и бабы («les babas») из нашей свирепой песни революционных войн? Где призывы этой песни, ее огонь, желание победы? Эту песнь здесь переделали в сумрачную жалобную литанию... Перемена ритма песни нечто весьма характерное для русских. Это печальный народ и он создал печальную марсельезу».

Вопрос, наиболее волнующий Анэ во всей русской революции, это, разумеется, вопрос о готовности и желании России продолжать войну с Германией. С этой точки зрения рассматривает он перипетии внутренней политики России, раздор между Временным правительством и Советом рабочих депутатов, приказ № 1 и разложение русской армии и пр.

Для Анэ, в сущности, ясно, что революция покончила с войной, и мир неизбежен. Но тут, как видно, и начинается неискренняя дипломатия Франции и прочих держав Согласия. Поддерживается фикция, что обе половины русского общества, и буржуазия, и «революционная демократия» желают продолжения войны, за исключением одних только максималистов (Ленина и Троцкого). Приезжают французские социалисты, Альберт Тома.[42] Поддерживая фикцию и соблюдая аппараты, они топят умеренную часть правительства и выдвигают «объединителя» революционных стремлений – Керенского.[43] Анэ, видимо, обязан подчиняться директивам Альберта Тома. И он подчиняется и пишет восторженную характеристику Керенского.

«Личность Керенского растет с каждым днем. Это человек, которого революция выдвинула из ряда прочих». «Благородная натура, Керенский связал свое имя с первой реформой уголовного кодекса: отменой смертной казни. И мы будем иметь революцию без гильотины».

Керенский, речами пробуждающий солдат к наступлению, напоминает французскому корреспонденту героев классической древности.

Второй томик книжки Анэ сплошь почти посвящен Керенскому. Этот томик издан уже после большевистского переворота. Ставка союзной дипломатии на русскую «революционную демократию» была бита. Аппараты можно было отбросить. Дипломатические фикции уже не стесняли Анэ. И предисловие ко второму томуку безжалостно развенчивает недавнего героя.

Керенский, по дополнительным откровенным признаниям Анэ, вовсе не государственный человек. «Превосходный оратор, больше ничего». Керенский – типичный русский революционер, человек слова, а не дела, не знающий людей, наивный. Поэтому он никуда не годный правитель. «Первым актом Керенского у власти была отмена смертной казни: это в разгар войны и тогда, когда солдаты начали убивать своих офицеров». По части устройства финансов, аппарата власти, администрации, полиции, Керенский – ничтожество. «Я ищу за шесть месяцев царствования Керенского хоть один акт власти: я не нахожу ни одного. Я нахожу только страстные речи, прокламации, обещания, угрозы. Он говорит и думает, что

действует». «Керенский опьянен властью... Он потерял чувство реальности... Он живет в Зимнем Дворце. Он сидит на постели русских царей. Слишком много тщеславия»...

Керенский – «болтливая и истеричная женщина, которая умеет только прыгать через веревочку, сохранять равновесие, притопывать ножкой и произносить звучные слова, лишённые смысла и никогда не сопровождаемые действиями».

Не щадя Керенского, Анэ не щадит теперь и единомышленников Керенского – социалистов интернационалистического оттенка. По мнению Анэ, они также только говорят, а не действуют, говорят бесконечно, тягуче, выносят резолюции за резолюциями, повторяют одно и то же; по всякому поводу упоминается в их речах и резолюциях «кинжал, вонзенный в спину революции».

Последней надеждою на спасение России, по мнению Анэ, был план Корнилова.[44] Но Корнилов был предан Керенским по соображениям мелкого тщеславия и по трусости перед социалистическими Советами.

Корниловское движение рассказано Анэ на основании записки самого генерала Корнилова. Записку эту Анэ получил лично от Корнилова в Быховской тюрьме, куда Анэ удалось пробраться. После ликвидации Корниловского движения уже не оставалось реальных сил для противодействия замыслам большевиков. В лице последних на место людей слова и фразы пришли люди дела. Это качество Анэ за большевиками признает всецело.

Деятельности большевистского правительства с ноября 1917 по июнь 1918 г. (когда Анэ покинул пределы России), Анэ посвящает третий и четвертый томики своей книжки.

Конечно, и здесь отношения с Германией привлекают наибольшее внимание Анэ. Третий томик рассказывает о подготовке Брестского мира. Четвертый касается самого мира.

Большевистский режим Анэ описывает в мрачных красках. «Всякий, кто жил в России в царствование максималистов, вынес впечатление кошмара. Лишь несколько упрямых идеологов и мистиков могли радоваться «великому дню» (большевистского переворота 25 октября 1917 г.), когда новый порядок должен был воцариться над миром. Но мы, беспристрастные и беспартийные свидетели, видели, что вместе с революцией Россия исчезла как великая держава. Враг навязал самый унижительный и ужасный мирный трактат стране, которая еще вчера считала 12 миллионов солдат под ружьем... Внутри – анархия и разрушение, полная анархия, какую только русские способны создать, и совершенное разрушение, которому подверглись и государство, и частные лица...»

«Что оставит максимализм позади себя? Несчетные разрушения, и, что еще хуже, глубокую деморализацию. Народ разучился работать и забыл все, что знал прежде о порядке и законности. Никакой режим не сможет сразу вернуть его к нормальной жизни».

Ленин обещал русскому народу мир, хлеб и землю, но не дал ни того, ни другого, ни третьего.

«В самые смутные времена своей истории Россия никогда не знала более кровавого времени, чем царство большевиков».

Какие предвидения делает Анэ для будущего России? У него не раз прорывается презрение к слабой культурности русского народа, его пассивности, безразличию в отношении общих интересов, отсутствию патриотизма. Россия – царство слов «как-нибудь» и «ничего». Но Анэ чувствует, вместе с тем, громадные скрытые творческие силы в русском народе и верит в эти силы.

«В мрачный час, когда я пишу эти строки (август 1918), я не отчаиваюсь в России. Я хочу верить, что она сумеет извлечь для себя урок из ужасного своего испытания. В этом юном народе заложены несчетные силы; в этой «широкой натуре» есть источники, кажущиеся неиссякаемыми. Мучениями приведенная от снов к действительности, Россия примет за ежедневные, суровые задачи, исполнение которых одно только поможет ей возобновить свое шествие к великому будущему, которого желают ей все ее друзья».

Этими прекрасными словами Анэ я и закончу обзор его книги.

Г. В-ий

Таврический голос. – 1920. – 28 января (10 февраля). – № 147 (297)

Комментарии.

1. Нижерепубликуемые статьи и интервью не значатся в изданных списках печатных трудов В.И.Вернадского и Г.В. Вернадского; см.: Владимир Иванович Вернадский (Материалы к биобиблиографии ученых). Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1992; Список трудов Г.В. Вернадского by Nikolay Andreyev // Записки Русской академической группы в США. – New York, 1975. – Т. IX. – С. 168 – 181.
2. Примечательно, что в своем дневнике 19 апреля (2 мая) 1920 года В.И.Вернадский оставил следующую запись: «Заходил редактор «Юж[ных] зап[исок]» (ошибка; правильно: «Южных ведомостей». – С.Ф.) – сообщил о смерти Тимирязева. Просил статью. Может б[ыть], дам – обещал ответ завтра». Издатели дневника так прокомментировали эту запись: «Такая статья написана не была» (см.: Вернадский В.И. Дневники 1917–1921: январь 1920 – март 1921. – Киев, 1997. – С. 73, 152). Как видим, издатели ошиблись.
3. Гофмейстер Вильгельм (1824–1877) – немецкий ботаник, один из создателей эмбриологии растений.
4. Бернар Клод (1813–1878) – французский физиолог, один из основоположников экспериментальной медицины и эндокринологии.
5. Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – военный, политический и государственный деятель, был гетманом Украины в 1918 г.
6. Книга Г.Ф. Морозова «Основания учения о лесе» была издана в Симферополе в 1920 г.
7. Заголовок интервью в газете.
8. Гельвиг Роман Иванович (1873– 1920) – первый ректор Таврического университета.
9. Заголовок интервью в газете.
10. Имеется в виду правительство генерала П.Н. Врангеля.
11. Торжества по случаю очередной годовщины основания Таврического университета.
12. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – крупнейший русский историк, источниковед, археограф и архивный деятель, председатель образованного в марте 1917 г. Союза российских архивных деятелей. Его жизнь и деятельность были связаны и с Крымом. С 1873 г. семья Лаппо-Данилевских проживала в Симферополе, где отец служил таврическим вице-губернатором, мать – начальницей женской гимназии, а Александр обучался в 1-й мужской гимназии, которую окончил в 1882 г. с золотой медалью. С 1889 г. он – член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). Последний раз приезжал в Симферополь в 1917 г. в связи с кончиной матери. Тогда же встречался с председателем ТУАК А.И. Маркевичем и имел с ним беседу о путях реорганизации архивного дела в России. Памяти А.С. Лаппо-Данилевского было посвящено заседание ТУАК 11 мая 1919 г., на котором с докладами об ученом выступили Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков, А.И. Маркевич.
13. Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) – историк, академик, автор трудов по истории крестьян, государства и церкви в России.
14. Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – русский писатель, публицист и историк, автор 12-томной «Истории государства Российского».
15. Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – русский государственный деятель, временщик при дворах Павла I и Александра I.
16. Восстание Чугуевского полка произошло в 1819 г., восстание в Старой Руссе – в 1831 г.
17. Военные поселения существовали в России в 1810–1857 гг.
18. Г.В. Вернадский имеет в виду период с апреля по июнь 1919 г.
19. Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический и государственный деятель, в 1918–1925 гг. – нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики, один из создателей Красной Армии.
20. Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – мыслитель и публицист. В главном сочинении – «Философические письма» (написаны в 1829–1831 гг.) высказал мысли об отлученности России от всемирной истории, о духовном застое и национальном самодовольстве, препятствующих осознанию и исполнению его предназначенной свыше исторической миссии.
21. Памятник Екатерине II в Симферополе был заложен в 1883 г., в день 100-летней годовщины присоединения Крымского ханства к Российской империи. Открыт 18 октября 1890 г. Памятник представлял собой сложную многофигурную композицию, доминантой которой была бронзовая фигура Екатерины II в полный рост. Памятник включал также скульптуры Г.А. Потемкина-Таврического и В.М. Долгорукова-Крымского и бюсты А.В. Суворова и А.И. Булгакова (посланника Российского государства в Османской империи). 1 мая 1919 г. по распоряжению местной коммунистической власти памятник был демонтирован, но в конце 1919 г., вскоре после свержения в Крыму большевиков, восстановлен. Подробно о памятнике и его судьбе см.: Гуркович В.Н. Ильичи из Екатерининской бронзы... // II Таврические научные чтения, посвященные 80-летию Центрального музея Тавриды. – Симферополь, 2002. – С. 70–76.
22. Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) – выдающийся государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784), фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма к России получил титул светлейшего князя Таврического. Главнокомандующий российской армией в русско-турецкую войну 1787 – 1791 гг.
23. Семенов-Тянь-Шанский (до 1906 г. – Семенов) Петр Петрович (1827–1914) – русский географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской Академии наук, автор четырехтомных «Мемуаров» (Пгд., 1915 – 1917).
24. Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, историк, лингвист и поэт, один из идеологов славянофильства.
25. Господствовавшее направление отечественной историографии пореформенного периода. В основу исторического процесса в России историки юридической (или государственной) школы ставили государство и его деятельность.

26. Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – крупнейший русский историк, академик (1900), создатель научной школы.
27. Тургенев Иван Сергеевич (1816–1883) – великий русский писатель, автор проникновенных строк о русском языке (см. его «Стихотворения в прозе»).
28. Герцен Александр Иванович (1812–1870) – российский революционер, писатель, философ, один из основоположников народничества.
29. Карл I (1600–1649) – английский король с 1625 г., из династии Стюартов. В ходе революции был низложен и казнен.
30. Стюарты – королевская династия в Шотландии и в Англии.
31. Вильгельм III Оранский (1650–1702) – штатгальтер (правитель) Нидерландов с 1674 г., английский король с 1689 г. Призван на английский престол в ходе государственного переворота 1688 – 1689 гг., до 1694 г. правил совместно с женой Марией II Стюарт.
32. Кромвель Оливер (1599–1658) – виднейший деятель Английской революции, руководитель индпендентов. В 1640 г. один из главных организаторов парламентской армии. Опираясь на армию, изгнал из парламента протестантов (1648), содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 г. лорд-генерал (главнокомандующий всеми вооруженными силами).
33. Карл II (1630–1685) – английский король с 1660 г., из династии Стюартов, сын Карла I. Провозглашение его королем означало реставрацию монархии в Англии.
34. Ермак Тимофеевич (между 1532 и 1542–1585) – казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, в результате которого распалось Сибирское ханство Кучума и было положено начало присоединению Сибири к Русскому государству.
35. Строгановы – крупнейшие российские купцы и промышленники XVI–XX вв., известные своей деятельностью по колонизации Урала и Сибири.
36. Федоров Иван (? –1733) – русский мореплаватель, достиг в 1732 г. мыс Дежнева, исследовал о-ва Ратманова и Крузенштерна, впервые нанес на карту американский берег Берингова пролива.
37. Беринг Витус Ионассен (1681–1741) – мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор, начальник 1-й и 2-й Камчатских экспедиций.
38. Чириков Алексей Ильич (1703–1748) – русский мореплаватель, капитан-командор, помощник В. Беринга в 1 и 2-й Камчатских экспедициях.
39. Российско-Американская компания – российское торговое объединение для освоения Русской Америки, существовало в 1798–1868 гг.
40. Поль Леруа Больё (1843–1916) – французский экономист.
41. Анэ Клод (1869–1931) – французский журналист и писатель. В 1917 г. был корреспондентом парижских газет в Петрограде, аккредитованным при Временном правительстве. Сумел собрать обширную оригинальную информацию.
42. Тома Альберт (1878–1932) – французский политический деятель и историк, с 1910 г. – депутат парламента от Объединенной социалистической партии, один из лидеров ее парламентской фракции, с начала Первой мировой войны вошел в состав французского правительства, с декабря 1915 г. по сентябрь 1917 г. – министр вооружения. После Февральской революции приезжал в Россию с целью активизировать ее участие в войне.
43. Керенский Александр Федорович (1881–1970) – политический деятель, с 8 (21) июля 1917 г. – глава Временного правительства.
44. Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал-от-инфантерии, в июле-августе 1917 г. – верховный главнокомандующий, в конце августа (начале сентября) поднял мятеж с целью установления военной диктатуры в России; мятеж был подавлен.